

## **ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР (ВЕБИНАР) ПО ПРОБЛЕМАМ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ И ПРЕНИЯ**

***Н. Н. Алеврас***

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

***Н. В. Гришина***

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

***В. В. Сашанов***

*Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, Челябинск, Россия*

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264*

Задачей данной публикации является презентация выступлений и прений участников научного семинара «Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – начала XX вв.: опыт и перспективы изучения», возникших в ходе обсуждения представленных докладов. Семинар в формате вебинара состоялся в Челябинском государственном университете 18 ноября 2016 г. Роль модератора вебинара взяла на себя Н.В. Гришина.

Обмен впечатлениями и суждениями относительно высказанных идей и наблюдений по заданной проблематике дополняет и уточняет позиции участников семинара. Хотя выбранный формат дистанционной научной коммуникации явился для многих первым опытом подобного общения, он был признан целесообразным и рациональным способом обмена научной информацией.

Расшифровка фонограммы выступлений и прений участников в ходе семинара была осуществлена В.В. Сашановым при участии А.А. Мировщиковой. Организацию редактирования материалов выступлений и прений участниками семинара в целях публикации, написание вводной статьи выполнила Н.Н. Алеврас. Финальное редактирование фонограммы вебинара осуществлено Н.В. Гришиной.

С полными текстами статей, опубликованных по итогам докладов на вебинаре, можно ознакомиться по электронному адресу: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28282350>.

Организаторы семинара выражают искреннюю признательность всем участникам семинара и благодарят сотрудников лаборатории технических средств обучения ЧелГУ за высокий технический уровень обеспечения работы вебинара.

**Ключевые слова:** *диссертационная культура, научный семинар, вебинар, прения, обсуждение докладов, фонограмма.*

Предлагаемые тексты представляют результаты обсуждения докладов участников семинара, посвященного проблемам диссертационной культуры, сложившейся в российских университетах. Несмотря на то, что доклады и статьи участников семинара опубликованы отдельным изданием [Диссертация по истории: 2016], его организаторы сочли целесообразным осуществить расшифровку фонограммы семинара в целом, учитывая все виды высказываний его участников: вопросы к выступавшим коллегам, их ответы, размышления по поводу заданной проблематики, реплики.

Побудительным мотивом осуществления данной публикации, кроме вышесказанного, является и нарастающий интерес к изучению российских университетов, воспринимаемых как

гетеротопичное по структуре и функциям культурное пространство, имеющее специфический социокультурный статус «другого пространства», которое «не только представляет всю совокупность отношений (в т. ч. власти – подчинения), но и оспаривает ее и переворачивает» [Малышева: 2016. С. 161].

В этом особым образом устроенном университетском пространстве, ориентированном на производство нового знания, закономерно (но практически лишь с начала XIX в.) формируется система/культура подготовки ученых высокой квалификации. Российским ученым в связи с этим надо было решать созидательные задачи в режиме спрессованного времени, быстрыми темпами преодолевая известную дистанцию от-

ставания от европейских образцов университетской учености. Не имевшая собственного «схоластического» опыта [Лаппо-Данилевский: 1990] и практик университетского образования в период средневековья и раннего нового времени, русская университетская культура благодаря совместным усилиям – и власти, предложившей вариант заимствования законодательных основ формирования научной среды, и рождавшейся университетской научной корпорации, принявшей вызов университетской модернизации как собственную задачу – быстрыми темпами за одно столетие обогащается новым структурным элементом. Называя этот элемент диссертационной системой/культурой, мы пытаемся уловить ее специфичность в качестве сегмента университетского пространства, учитывая в то же время, что она сама по себе являла сложное образование, приобретая структуру и функции, подчиненные задачам подготовки ученых высшей квалификации. В центре нашего внимания находится особая разновидность научных трудов представителей элиты научной корпорации, прошедших ступени соответствующей научной экспертизы и получивших ученые степени – диссертация, являющаяся главным результирующим порождением диссертационной культуры и выражением, как индивидуальных научных достижений, так и состоятельности отечественной науки в целом.

Очевидно, можно говорить о том, что в современной науке вполне сформировался интерес к тем проблемам, которые представители челябинской группы историографов обозначают как «диссертационная культура». Проект апеллирует к изучению пространства диссертационной культуры на примере деятельности университетского научного сообщества ученых-историков. В силу этого наши интересы сосредоточены в дисциплинарном поле истории исторической науки. Феномену диссертационной культуры челябинские историографы задают хронологический диапазон в границах XIX – середины XX столетий. Обоснованием временных рубежей является стремление проследить развитие первичного (дореволюционного) ее опыта и определить его влияние на научную культуру высшей школы, прошедшей сквозь горнило политических и социальных трансформаций [Диссертация по истории: 2016, С. 88–131].

Заданный участниками семинара методологический ракурс изучения данного феномена – с позиций историко-научного, институционального, антропологического, социокультурного подходов содействует возникновению процессов интерференции и конвергенции в ходе изучения инте-

ресующей предметной области, порождающих сближение ряда научных проектов и создающих перекрестную проблематику по различным основаниям [Корзун: 2016, С. 19–25], в чем убедились участники челябинского семинара. Интересным фактом является зарождение междисциплинарных контактов путем вхождения в круг разрабатываемой проблематики представителей иных гуманитарных дисциплин [Зипунникова: 2016, С. 25–35].

Участники вебинара, обменявшиеся мнениями по поводу сделанных докладов, представляют различные современные научные культуры вузов России и Украины. Профессор *В.П. Корзун*, ведущий специалист в области отечественной историографии и *О.В. Метель*, автор ряда трудов, разрабатывающая проблемы подготовки кадров советской высшей школы, являются учеными Омского государственного университета, в недрах которого создана одна из крупнейших историографических школ в современной отечественной науке. Благодаря инициативе В.П. Корзун – организатора и редактора известного историографического сборника «Мир историка», предложенная нами тема диссертационной культуры вышла на историографический простор и стала приобретать научную легитимность [Мир историка: 2010].

Доцент кафедры историографии и источниковедения Харьковского государственного университета *Ю.А. Киселёва*, выступавшая соавтором совместного доклада (с профессором, видным историографом С.И. Посоховым) и ставшая активным участником обсуждения заданной проблематики на семинаре, представляла на вебинаре Харьковскую историографическую школу, корни которой надо искать еще в дореволюционной эпохе.

*К.А. Ильина* – представитель известного научного сообщества историков Высшей школы экономики принадлежит к кругу разработчиков разнообразной проблематики, ориентированной на изучение «меняющихся форм существования и способов взаимодействия» особого «ученого сословия» – русских профессоров с позиций этнографии и антропологии университетской повседневности [Вишленкова, Галиуллина, Ильина: 2012, С. 7–8]. Подобный ракурс заложен во многие труды представителей данной научной консолидации [Сословие русских профессоров: 2013], что существенно изменило современную методологию изучения истории отечественных университетов.

*Н.Н. Зипунникова*, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург)

представляет историко-правоведческую область знания, которая всегда была близка историкам, что особенно характерно для дореволюционной университетской культуры. Указанный выше ее доклад на семинаре, другие научные исследования, а также известная монография, мимо которой не могут пройти специалисты по истории российских университетов [Зипунникова: 2009], являются убедительным примером неизбежности и полезности пересечения интересов гуманитариев различного дисциплинарного спектра.

Выступления организаторов конференции, челябинских историографов в лице *Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, В.В. Сашанова* явились презентацией основных параметров разрабатываемого проекта, ориентированного на использование совокупности современных методологических подходов, включающих основные принципы исторической антропологии, интеллектуальной истории, истории историографии, источниковедения историографии. Важным способом презентации картины диссертационной культуры в дореволюционный период истории российских университетов стало создание базы данных о российских историках-диссертантах и их диссертациях XIX – начала XX в. (до 1919 г.), а также ее статистическая разработка с последующим анализом [Алеврас, Гришина, Скворцов: 2016, С. 32–40; Алеврас, Гришина, Выдрин: 2017, С. 73–76]. Специальному изучению подвергается собственно диссертация как феномен университетской культуры, разновидность научных произведений и специфический источник [Алеврас, Гришина: 2016, С. 13–16; Алеврас: 2017, С. 59–62].

Впереди намечены научные разработки, посвященные трансформации диссертационной культуры в 1920–1950-е гг., создание исследований о формировании советского проекта подготовки ученых-историков и особенностях диссертации в научно-квалификационных практиках этого времени. Но ясно уже теперь, что оторваться от дореволюционного опыта в этом сегменте российской научной культуры не удалось.

#### **Вебинар: фонограмма Тексты выступлений, прения**

**Гришина Н.В.** Дорогие друзья! Предлагаю начинать наше мероприятие. Сегодня мы с вами встретились для того, чтобы обсудить в формате вебинара различные аспекты диссертационной культуры. Точнее тема вебинара звучит следующим образом: «Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX–XX вв.:

опыт и перспективы изучения». Эта тема стала частью большого исследовательского проекта, который реализуется в Челябинском государственном университете под руководством профессора Наталии Николаевны Алеврас на протяжении более 6 лет. В 2010 г. мы впервые заявили тему «Диссертационная культура», несколько раз различные ее аспекты получали финансовую поддержку грантовых фондов, в данный момент мы работаем над проектом при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (ныне – РФФИ). Наш сегодняшний вебинар – это еще один разговор по проблеме диссертационной культуры в России.

Представлю участников нашего мероприятия. Начну с наших гостей. Это представитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) Кира Андреевна Ильина. Это наши коллеги и друзья, представляющие Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск) – Валентина Павловна Корзун и Ольга Вадимовна Метель. Также это наши коллеги из Харьковского национального университета (г. Харьков) – Сергей Иванович Посохов и Юлия Анатольевна Киселева. Наконец, это коллега из Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург) Наталья Николаевна Зипунникова.

Мне бы хотелось представить научный коллектив челябинцев. Руководитель проекта – профессор Наталия Николаевна Алеврас. Также в состав проектной группы входят преподаватели Челябинского государственного университета Артем Михайлович Скворцов, Ольга Викторовна Богомазова и Наталья Владимировна Гришина. Только что закончивший аспирантуру, научный сотрудник Центра историко-культурного наследия г. Челябинска Владимир Владимирович Сашанов и аспирант Анна Мировщикова.

Несколько слов о регламенте. Мы с вами работаем до 16 часов по МСК. Регламент выстроен следующим образом: на выступление докладчика мы отводим 15–20 минут, после этого вопросы, комментарии и прения общей продолжительностью до 15 минут. Если это развернутый комментарий – 3–5 минут.

Сейчас я передаю слово Наталии Николаевне Алеврас. У нее заявлена тема «Диссертационная культура как концепт: проблема дефиниции и методов изучения».

**Алеврас Н.Н. Представляет доклад (основные положения).**

**Гришина Н.В.** Спасибо большое, Наталия Николаевна, за Ваш доклад. Дорогие коллеги –

реплики, вопросы, комментарии. Мы, конечно же, ждем вопросов от наших коллег из других университетов, ваши мнения могут значительно повлиять на развитие нашего проекта.

**Ильина К.А.** У меня вопрос про базу данных. Почему нижней границей выбран 1813 г.? У Кричевского в справочнике по защищенным на историко-филологических факультетах указаны более ранние даты.

**Алеврас Н.Н.** Спасибо, Кира Андреевна. Это объясняется очень просто. У Кричевского, справочник, материалы которого мы использовали для разработки базы (а я хотела бы заметить, что Кричевский совершил научный подвиг, создавая этот справочник: он 40 лет работал над ним, поэтому и у нас много времени впереди над нашим проектом), так вот у него, действительно, нижняя граница защит диссертаций начинается с 1805 г. Но историки начали защищать диссертации немного позднее других специальностей. Во всяком случае, в нашу базу данных, которая конечно коррелируется со справочником, созданным Кричевским, первая защита историками зафиксирована в 1813 г., по-моему, в Дерпте.

**Ильина К.А.** А кто?

**Алеврас Н.Н.** Не могу сейчас вспомнить фамилии.

**Гришина Н.В.** Кира Андреевна, мы обязательно посмотрим. Дата первой защиты, действительно, спорная – 1813 г. либо 1814 г. Думаю, мы обменяемся информацией.

**Алеврас Н.Н.** Сейчас не могу вспомнить автора, но вообще нами зафиксировано на данный момент 283 диссертации, защищенных именно по историческим специальностям в рамках указанного в докладе хронологического диапазона – с 1813 по 1919 гг.

**Корзун В.П.** Я в несколько затруднительном положении, потому что совсем недавно слушала доклад Наталии Николаевны на конференции в Москве и у меня была возможность как задать вопросы, так и обсудить сам доклад. В такой ситуации трудно не повториться. Я внимательно слежу за работами челябинцев. Мне нравится направление, проблематизированное челябинскими историками, оно представляется весьма перспективным, интересным и отражает новое явление в профессионализации историографии. В этом явное отражение того нового поворота в историографии, когда интегрируется антропологический, культурологический подход с социальным. С одной стороны, историограф вписывает свою науку в уже сложившийся мир мысли и транслирует ценности профессорской культуры, нормы дис-

сертационной культуры, а с другой, выходит на совершенно конкретные исторические исследования, направленные на постижение историографической повседневности, историографического быта и в этом плане выступает уже как конкретный историк. Некоторые коллеги называют это историографической экспансией, мне же историограф представляется органистом, он играет в нескольких регистрах одновременно. В этом я вижу, характерную черту современного этапа и понимания историографии, ее можно определить как компромиссное соединение классической и неклассической конструкции истории науки.

Вопросы по базе данных и необходимости некоторой коррекции критериев в ходе ее составления я задавала в прошлый раз. Сейчас у меня единственный вопрос по хронологии, простой такой вопрос. Почему вы считаете, что в середине 1930-х гг. происходит восстановление института аспирантуры, на какие факты вы опираетесь? В моем представлении это произошло раньше. Спасибо.

**Алеврас Н.Н.** Я могу ошибаться, но насколько мы понимаем... раньше это когда? В двадцатые годы нет еще...

**Корзун В.П.** В конце 1920-х гг.

**Гришина Н.В.** Наталия Николаевна говорила о восстановлении системы присуждения научных степеней и диссертационной системы, произошедших в полном объеме в середине 1930-х гг., хотя формирование института аспирантуры началось в середине 1920-х гг. Другое дело, что после создания института аспирантуры должно было пройти какое-то время, прежде чем прошли защиты диссертаций аспирантов. По крайней мере, по историческим диссертациям мы фиксируем первые защиты в 1929 г., хотя в других научно-исследовательских институтах аспирантские диссертации защищались раньше. Например, в Институте философии уже в 1926–1927-х гг. были защиты диссертаций, чего не было у историков.

**Корзун В.П.** Спасибо.

**Алеврас Н.Н.** Действительно, в истории развития диссертационной культуры накладывались разные аспекты научной жизни, и в этом мы будем еще разбираться. Нужно признаться, что мы только начинаем осваивать этот – советский период ее истории.

**Киселева Ю.А.** Мой вопрос связан с базой данных, которую вы хотите построить. Это замечательная идея, и это нужно для продолжения исследований. Но мне кажется было бы лучше строить эту базу данных в программе Access, потому что она бы позволила более детально анализи-

ровать диссертации и процессы защиты. Данная программа позволяет, по сути, строить несколько баз данных. Это позволяет легко анализировать различные аспекты проблемы, например, связанные с самим процессом защиты диссертаций или схолярный блок, биографические сюжеты и др. На нашем факультете были успешно защищены несколько диссертаций, с использованием Access. Эта программа, при такой комплексной проблематике, очень хороший вариант, в т. ч. и для того, чтобы не переделывать потом работу. Она позволяет осуществлять более полный анализ.

**Гришина Н.В.** Юлия Анатольевна, Вы совершенно правы. Работа над базой данных требует от нас специфических навыков. На данный момент база данных существует в формате Excel и SPSS. Сейчас мы экспортировали ее в программу Access и начали ее обработку.

Вообще, когда мы начинали работу над базой данных, предполагалось, что она пойдет быстрее и легче. Но помимо технических сложностей, с которыми мы встретились, у нас есть расхождения, связанные с выборкой материала. Я думаю, что вопрос, который поступил от Юлии Анатольевны, тоже лежит в данной плоскости. Допустим мы сейчас до конца не можем договориться о критериях помещения в эту базу данных той или иной диссертации, того или иного ученого. Изначально мы исходили из следующих параметров – нас интересовали защиты по истории, по историческим наукам. Однако, как показывает практика, очень многие диссертанты, защищая диссертацию по специальности «философия», «классическая филология» или даже по юридическим дисциплинам, потом становились историками. И в большей степени известны как историки, а не как, допустим, филологи-классики. И по предмету исследования их диссертации, безусловно, исторические. Этот момент выборки тоже затягивает работу с базой данных. Вчера я смотрела последний на сегодняшний день вариант базы данных и в нем более 22-х параметров, если говорить о диссертациях по истории, то это 283 диссертации. Вместе с тем дополнение базы данных диссертациями, защищенными по другим отраслям знания, но которые мы относим к историческим по предмету исследования, дало прирост более чем на 100 диссертаций. Диссертантов, конечно, меньше, учитывая, что многие ученые защищали обе диссертации – магистерскую и докторскую.

Работа идет, база пополняется. Статья Киры Андреевны, связанная с рецензиями по историческим и филологическим диссертациям, еще раз актуализирует для нас вопрос составления базы

данных и вопрос выборки диссертаций и диссертантов. С форматом Access я абсолютно согласна, мы сейчас работаем в этом направлении.

**Алеврас Н.Н.** Можно заметить, что о своей работе с базой данных мы говорили в недавних докладах на конференциях, материалы которых уже опубликованы.

**Киселева Ю.А. (передает вопросы Посохова С.И.)** Мы с Сергеем Ивановичем обсуждали Вашу очень интересную статью и благодарим Вас за то, что вы прислали заранее материалы, чтобы мы могли с ними ознакомиться. Сергей Иванович высоко оценивает Вашу работу в области изучения диссертационной культуры. Коллективная работа всегда более успешная, она объединяет многих людей и позволяет действительно рождаться новым идеям.

У Сергея Ивановича возникли предложения по поводу базы данных и вариантов ее анализа. Я понимаю, что в статье Вы только наметили перспективы этого анализа. Например, можно говорить о качестве работ – выдающиеся работы, посредственные или слабые, но Сергей Иванович предложил также говорить о резонансных и нерезонансных работах. Действительно, исследователи в вопросах качества диссертаций ориентируются на отзывы, но по отзывам и документам, которые остались после защиты, сложно понять насколько они выдающиеся, а вариант резонансной и нерезонансной защиты выводит не только на проблемы оценки работ, но и условий, контекста этой оценки.

Сергей Иванович высоко оценил и Ваше стремление работать на основе базы данных. Он сказал, что Вас действительно ждет большая и перспективная работа. Но тем не менее Сергей Иванович хотел бы, чтобы я передала его мнение, по поводу важности сочетания в базе данных проблемно-тематических и теоретико-методологических критериев. Например, если мы говорим о биографистике, то стоит выделять типы биографии, а не относить все диссертации биографического характера в одну группу. Все-таки проблемно-тематический критерий, в конце концов, определяется методологией.

Действительно, перед Вами стоит очень большая задача. Мы желаем Вам успеха и надеемся, что наше сотрудничество с Вами продолжится, т. к. появляются новые идеи, и мы будем готовы поддерживать Ваши начинания. Это краткие вопросы, которые попросил озвучить Сергей Иванович. Он очень сожалел, что у него нет возможности сегодня быть с нами и передавал всем большой привет.

**Алеврас Н.Н.** Интересные замечания. Вопрос о критериях, положенных в основу классификации диссертаций с целью уловить их актуальность, которую видели современники и которую видим мы сейчас – чрезвычайно важный и, одновременно, непростой. Конечно, у нас работы по базе данных предстоит еще много, но в результате может получиться то, что можно назвать коллективным портретом историков – соискателей ученых степеней. Надеюсь, у нас база пополнится новым материалом, появятся новые переменные для характеристики объекта изучения, кроме того, что нам уже сейчас удалось сделать.

**Гришина Н.В.** Насколько я понимаю, все коллеги ждут от нас в ближайшее время презентации результатов, полученных при анализе базы данных, и, конечно, мы направим свои усилия на завершение этой работы. А сейчас мне бы хотелось передать слово для доклада Наталье Николаевне Зипунниковой.

**Зипунникова Н.Н.** Уважаемые коллеги, здравствуйте. Я еще раз приветствую всех челябинских коллег, которые организовали такой прекрасный форум и всех других участников. Мне очень приятно, что я оказалась в сообществе профессиональных историков, тогда как я, скромно замечу, совсем не историк, я – юрист, занимаюсь историей права и представляю Уральский государственный юридический университет. Сфера моих научных интересов – это законодательство об образовании и науке и, конечно, в этой части мне очень интересно как российский законодатель, в частности, императорского периода, устанавливал правила для вот этой очень важной и тонкой части организации деятельности ученых как приобретение и присуждение ученых степеней. Я, конечно, очень рада возможности сказать несколько слов и благодарю Наталию Николаевну за интересный доклад. Благодарю также организаторов за то, что у нас есть доклады других участников и можно было с ними ознакомиться заранее, потому что действительно сбивка звука происходит. Еще раз большое спасибо.

В рамках небольшого предисловия к содержательной части своих суждений мне хотелось бы сказать, или, точнее, ответить многим коллегам-гуманитариям, которые в рамках постнеклассической парадигмы заявляют, что фокус исследовательского нашего с вами внимания неизбежно должен смещаться с великих событий, законодательства на человека, на то, какие он практики создает, как он конструирует, реконструирует, деконструирует правовые институты и реализует их в своем правовом сознании.

Есть такой подход и он связан с культурологическим, антропологическим поворотами, т. е. с тем, о чем сегодня уже говорилось. Более того, когда я обратилась к трудам замечательной исследовательницы из Германии Труде Маурер, а ее работы, по счастью, теперь доступны не только на немецком, но и на русском языке, так вот я увидела в ее работах такие суждения, что обращение, например, к уставам университетов может привести к ложной периодизации университетской жизни, каких-то важных процессов. Или вот, например, у нее есть такое очень опасливое отношение к, цитирую, «выпячиванию формальной юридической стороны, когда на первый план выходит норма и подразумеваемое нормой единообразие».

Так вот я как юрист, как историк права хочу сказать, что опасение о том, что, занимаясь законодательством, мы уйдем от каких-то интересных вопросов, оно не совсем справедливо. Изучение юридической истории университетов, как мне представляется, дает большую пищу для размышлений, в т. ч. в рамках предложенного обоснованного и продвигаемого концепта «диссертационная культура».

Это такое небольшое предисловие, про то, что юристы тоже, наверное, что-нибудь могут сказать.

Далее представляет доклад (основные положения).

**Ильина К.А.** Спасибо большое. Вопрос о терминах. Откуда термин «университетология»? В чем специфика термина по сравнению с «университетские исследования»?

**Зипунникова Н.Н.** Я вижу этот термин у историков, я вижу, этот термин используется культурологами. Я его использую, скажем так, для яркости, ничего самобытного сама я в него не включаю. Т. е., конечно, это университетские исследования, но этот термин я несколько лет я уже в работах наблюдаю. Своего собственного отношения, кроме того, что мне слово нравится, какого-то дополнительного содержательного нюанса я здесь пока не привношу.

**Гришина Н.В.** Мне бы хотелось дать небольшой комментарий. Очень часто законодательство появляется позднее практики. Т. е. сначала складывается норма поведения, форма взаимодействия. К примеру, появляется неофициальная канва присуждения научной степени или обсуждения диссертации, формируется некий канон рецензии на диссертацию, а потом уже происходит их закрепление в законодательстве. Но, работая с материалами 1920-х гг., я заметила обратную ситуацию, когда законодательство уходит, отменя-

ется, а практика остается. Тот материал, который я представила к сегодняшнему вебинару, как раз посвящен т.н. неофициальным защитам диссертаций, которые происходили в течение 1920-х гг. Я пытаюсь их как-то ранжировать, предлагаю определенную классификацию мотивов, которые двигали учеными при подготовке подобных диспутов. И некоторые из них, на мой взгляд, можно рассматривать как своеобразные «запоздалые» защиты, т. е. когда в самом начале 1920-х гг. защищались диссертации тех исследователей, которые просто-напросто не успели до 1917–1918 гг. свои диссертации защитить в рамках действующего законодательства.

В середине 1920-х гг. также проходят диспуты, время от времени появляется информация о них. Вот здесь очень интересен мотив – почему ученые, подавая свои диссертации (они продолжали их называть диссертациями) на рассмотрение своим коллегам и понимая, что ученая степень присуждена не будет, тем не менее шли на такие диспуты. Допустим известный диспут Ольги Михайловны Фрейденберг, который был организован в 1924 г. По его итогам диссертация была признана удовлетворительной, но не дала ей ученой степени как таковой. Подобные примеры очень важны, на мой взгляд, для понимания ситуации с защитами, когда законодательство уже исчезает, а практика сохраняется. После отмены законодательства ученая корпорация продолжает вырабатывать приемлемые для себя нормы бытования. Приведу еще один пример. Речь идет о привлечении новых сотрудников к внештатному преподаванию. Применительно к штатным должностям существовал всероссийский конкурс – универсальные правила приема в преподаватели, а по отношению к внештатным сотрудникам таких правил не было. В ситуации законодательной лакуны принятие решение оставалось за университетами и факультетами, происходило включение корпорации и выработку правил.

**Зипунникова Н.Н.** Очень интересное замечание, по существу. Можно уходить в детали, но есть глобальная проблема – есть норма, а есть обыкновение. Надо понимать, что любой человек, который ищет степень, актер или интересант, безусловно заинтересован в признании, и легальном. Хорошо, что корпорация сохраняет умения, сохраняет необходимость выработки неформальных отдельных моментов, но, то, что государством, властью создается правовое поле – это тоже очень важное условие, это то, о чем я говорила: правовой статус, т. е. признание человека, что ученое сообщество признает результаты, оно

знает об этом исследователе, об его исследовании. Но еще очень важно, как про это написан закон. Тот период, о котором вы говорите, – это сложное время. Вообще, когда перестройка осуществляется любая – это очень сложно и совершенно замечательно, что корпорации сохраняют механизмы выживания. Есть нормы, нет норм, но она может себя сохранить в этот сложный период. А вот у законодателя существует несколько стратегий. Это я не только об ученых степенях скажу, но и в целом об образовании и науке. Бывает опережающий тип правового регулирования, когда сначала создаются правила, но нет практик, практики создаются позже, а бывает тип догоняющего, или констатирующего, регулирования. В российской истории мы наблюдаем разные стратегии, но если говорить о присуждении ученых степеней, то поначалу формируются практики, а потом появляется более или менее четкое и эффективное законодательство.

**Ильина К.А.** Насколько можно говорить об «эффективном регулировании системы ученых степеней»? Например, в начале 1830-х гг. параллельно существовало несколько сценариев, законодательно зафиксированных, научной аттестации. И соискатели сами должны были выбирать, какого сценария им придерживаться, а если выбирали не тот, то министр не утверждал их в степени.

**Зипунникова Н.Н.** Я специально оговаривалась, что «эффективное», или в какой-то степени «эффективное», т. е. как идеал.

Какой из сценариев наиболее эффективный? Насколько можно говорить об эффективном регулировании, если было несколько сценариев. Вы знаете, ведь для законодателя это тоже очень непростой вопрос. Насколько я понимаю, здесь много факторов, которые влияли. С одной стороны – это т. н. «заимствование», когда изучается зарубежный опыт, когда молодые исследователи отправляются за границу, и они сталкиваются с тем, как там это происходит. С другой стороны, происходит творческая апробация этого зарубежного опыта. Т. е. я хочу сказать, что законодателью тоже не так легко, поэтому он и призывает корпорацию к соучастию, к сотворчеству, а это термин Киры Андреевны из статьи о сотворчестве власти и университетской корпорации. Поскольку XIX в., и вообще императорский период, подарил нам такие замечательные основы, такую замечательную науку, то это значит, что по меньшей мере законодатель не мешал. А на мой скромный взгляд, законодатель во многом способствовал тому, чтобы правила игры были внятными.

**Гришина Н.В.** Наталья Николаевна, большое спасибо за доклад, вызвавший столь бурные обсуждения. Я заметила, как отреагировала Валентина Павловна на Ваше замечание о том, когда в сложные переходные периоды корпорации ученых сохраняют свои ценности, вырабатывают собственные механизмы выживания. Я думаю, в некотором плане этим аспектам будет посвящено ее выступление. Мне хотелось бы передать слово Валентине Павловне Корзун. Тема: «Профессорская культура vs диссертационная культура: соотношение понятий».

**Корзун В.П.** Коллеги, я с большим интересом прослушала доклад Натальи Николаевны, как мне представляется вырисовывается новый разворот в проблемном поле диссертационной культуры: сравнительно-исторический аспект в исследовании дореволюционной и советской практик защит диссертаций позволяет актуализировать проблему профессионализации исторической науки, выявить критерии профессионализма и их конвенциональный характер, обозначить как более устойчивые составляющие диссертационной культуры, так и те ее элементы, которые более подвержены деформации, причем в самых различных направлениях. Еще раз, Вам спасибо за этот доклад. Мой доклад, в определенной степени можно считать продолжением ваших категориальных поисков.

Далее представляет доклад (основные положения).

**Алеврас Н.Н.** Валентина Павловна, большое спасибо за ваши рассуждения сегодня. Они позволяют нам как-то более утвердиться, может быть, в использовании изобретенного нами понятия «диссертационная культура». У нас была определенная неуверенность, правильно ли его интерпретируем, используем, даем дефиницию. Я думаю, что работы в этом направлении еще немало перед нами предстанет, потому что именно эти два понятия так тесно взаимосвязаны, одно в другом, мне даже они представлялись в виде такой матрешки, если взять вообще академическую культуру, профессорскую культуру, диссертационную культуру. Кругом – культура. Мы живем в мире культуры. И это нас уже ободряет в том смысле, что мы можем использовать этот термин. Другое дело, что вообще выработать такие дефиниции довольно сложно всегда, и в данном случае тоже. Но, вот вы проговорили, что диссертационная культура – ядро профессорской культуры. Можно и так посмотреть. С другой стороны, я как-то наоборот смотрела, в том смысле, что диссертационная культура как бы оплодотворяется

профессорской культурой, дает некий результат. В общем, это диалектическая такая связь, нерасторжимая, в этом мы убедились. Спасибо Валентина Павловна за ваше прекрасное выступление, и я думаю, что мы скоро получим от вас текст. Большое спасибо.

**Киселева Ю.А.** Валентина Павловна, спасибо большое за интересный доклад. У меня такой вопрос. Я понимаю, что Вы рассматриваете профессорскую культуру как контекст для диссертационной культуры?

**Корзун В.П.** Нет. Речь идет о более тесных взаимосвязях. Мне понравилась метафора матрешки применительно к обсуждаемым дефинициям, предложенная Наталией Николаевной Алеврас.

**Киселева Ю.А.** Мой вопрос о точках напряжения между двумя этими культурами, возможно ли говорить о том, что профессорская культура в т. ч. конструировалась и на убеждении о защите диссертации как необходимом этапе в биографии ученого. Возможны ли несовпадения между этими культурами, какие-то точки напряжения между ними, можно ли их выявить и насколько это интересно изучать?

Да, действительно, и профессорская культура, и диссертационная культура – это близкие понятия. Более формальное отношение к диссертации характерно для более позднего времени, если в начале века диссертация могла быть единственным трудом историка, то в конце века мы можем говорить о том, что отношение к диссертации меняется. Появляется убеждение, что наука, научный поиск – это то, что сделано помимо диссертации. Надеюсь, мой вопрос понятен.

**Корзун В.П.** Мне думается, что противопоставлять эти понятия не стоит, собственно этому и был посвящен мой доклад. И видеть напряжения между дефинициями тоже не стоит, ведь любая дефиниция – это интеллектуальный конструкт, который обладает определенным эвристическим потенциалом и ограничением. Если же говорить о точках напряжения, то здесь важен учет экзистенциального уровня. Вот на него, пожалуй, стоит обратить внимание, особенно это касается второй половины XIX в., когда диссертация стала уже нормой прохождения в научное сообщество, когда сложились определенные ценности в научном мире, закрепляемые в конвенционных практиках. Ценности, связанные как с профессиональным стандартом, так и ценности, связанные с определенным образом поведения членов научного сообщества, стилем жизни. И здесь, конечно же, были очень серьезные напряжения в интеллектуальном поле. Как я уже говорила, про-

фессорская культура формируется сложно и болезненно, поскольку, с одной стороны, ее акторы – это интеллигенция, с определенным типом поведения, с определенными политическими пристрастиями, с определенными правилами потребления интеллектуального продукта, выражения своих мыслей, досуга и т. д. А с другой стороны, это люди разных сословий, пришедшие в науку, «отягченные различными социальными привычками» и при всей разности, они инкорпорируются в новую социальную общность – научный социум. Они ориентированы на поиск своего места в этом социуме, но сословная принадлежность вносила существенные акценты в корпоративную профессорскую культуру, делая ее неоднородной и раздробленной. И поэтому здесь, конечно, были серьезные противоречия и не только в силу конкуренции идей, но и людей. К примеру, в петербургской школе русских историков, между «аристократами-лапповцами», и носителями разночинских взглядов (здесь показательна фигура С.Ф. Платонова) имелись серьезные разногласия. И не только потому, что А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов реализовывали различные проекты видения исторической науки и создавали вокруг себя соответствующую интеллектуальную среду, боролись за укрепление своего статуса в автономном поле новой науки, но и в силу социальных противоречий и социальных антипатий. Если угодно, приведу весьма красноречивую самооценку этой ситуации С.Ф. Платоновым, которой он поделился с молодым А.Е. Пресняковым. В данном случае изложение этого мнения «своими словами» на вебинаре я при редактировании своего выступления заменяю цитатой из монографии Е.А. Ростовцева: «кружки его (Платонова) и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками, те – дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые они догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т. е. платоновцы, разночинцы, люди другого общества, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личной дружбой, а не каким-нибудь *credo* связаны между собой». Налицо яркий момент этой неоднородности и напряжения внутри собственно профессорской культуры.

Сказывалось ли это на диссертационной культуре? Так, наверное, можно переформатировать Ваш вопрос. Вопрос непростой. В какой-то степени да, в какой-то степени нет. Потому что

нормы, традиции, воспроизведение норм – это повторение того, что уже сложилось и т. д. Да, оно характерно, к примеру, как раз для школы С.Ф. Платонова. И нестандартность, выход, небоязнь нарушить скучное, привычное, шагнуть-перешагнуть вот за эти пределы, очерченные профессиональным нормотворчеством, которое сложилось, заявить какую-то совершенно оригинальную позицию, и тем самым нарушить норму академическую – это характерно уже для представителей школы А.С. Лаппо-Данилевского. Так что это такой сложный процесс, и где, когда и при каких обстоятельствах указанные противоречия сказывались на защитах диссертаций, как личные взаимоотношения мэтров, неприятие друг друга, борьба за пространство внимания сказывались на судьбах «людей и идей» предстоит выяснить. Думаю, что обращение к «диссертационным историям», то, что сейчас начали исследовать челябинцы, позволит нам прояснить эти вопросы. Пока же мы оперируем отдельными случаями.

**Алеврас Н.Н.** Можно мне немного отреагировать в адрес вопроса, который прозвучал у Юлии Анатольевны. Она обращалась к Валентине Павловне, но прозвучало интересное само по себе и для нас, в частности, суждение: по поводу того, как относились современники к диссертациям. Вы, вероятно, имели в виду рубеж XIX–XX вв., полагая, что прохождение через горнило диссертационного обсуждения могло рассматриваться как некий формальный момент, нацеленный на карьерный рост, получение должностного статуса в университете и т. д. Правильно ли я поняла, вы предполагаете, что сам текст диссертации, ее содержание не очень, может быть, кого-то интересовало, и предполагалось, что человек уже после защиты напишет какой-то настоящий научный труд. Такой ли акцент я уловила в вашем вопросе?

**Киселева Ю.А.** Извините, повторите, пожалуйста, последнюю фразу.

**Алеврас Н.Н.** Я уже не помню (все смеются).

**Киселева Ю.А.** Связь иногда прерывается.

**Алеврас Н.Н.** Я просто хочу сказать, что бытовало, может быть в среде даже самих соискателей ученых степеней вот такое (формальное) отношение, но, в общем-то, все дело в людях. От того, как сами диссертанты определяли свою личную позицию в отношении к своей диссертации, во многом зависело отношение к институту диссертации. Как тут не привести в качестве известного примера историю с диссертацией П.Н. Милюкова. Когда он уже работал над ней, его руководитель – профессор В.О. Ключевский, советует ему не браться за такую сложную и большую тему,

поскольку это требует длительного времени, он предлагает взять тему для защиты магистерской диссертации попроще. А Милуков потом в воспоминаниях напишет, что он хотел сделать вклад в науку, а не просто заниматься чем-то мало ему интересным. Поэтому для кого-то, конечно, диссертация являлась выражением сугубо такого научного подхода, а для кого-то может быть и нет – ставилась задача формально пройти всю эту процедуру, чтобы просто получить ученую степень...

**Киселева Ю.А.** Да, да, конечно. Я нисколько не преуменьшаю значение диссертации. Речь идет действительно о разнице в отношениях к диссертациям, ценностях, связанных с ними. Спасибо большое.

**Алеврас Н.Н.** И подобные «точки» напряжения возникли между Ключевским и Милуковым. Известна история их взаимоотношений... Ну, как и сейчас – кто-то защищается, чтобы формально пройти ступеньки научной карьеры, а кто-то хочет внести вклад в науку.

**Гришина Н.В.** Как раз случай с диссертацией Милукова можно трактовать как вариант вольнодумного поведения в науке. Это очень хороший момент, чтобы передать слово Юлии Анатольевне Киселевой для презентации доклада под названием «Диссертационная трибуна как место выражения вольнолюбивых идей».

**Киселева Ю.А.** Действительно, наша статья посвящена рассмотрению «вольнодумства» сквозь призму диссертационной культуры. Одновременно она затрагивает контексты диссертационной культуры. Мы хотели обратить внимание на эти контексты. Как уже прозвучало, диссертационная культура является частью университетской культуры, профессорской культуры, культуры научных коммуникаций. С другой стороны, она является частью культуры определенной эпохи. Более того, диссертационная культура всегда вписана в систему взаимоотношений между научным сообществом, государством и обществом, и в каждую конкретную эпоху конфигурации этих взаимоотношений оказывали непосредственное влияние на формирование диссертационной культуры. Фактически, наша цель – обратить внимание на важность учета этих конфигураций и этих контекстов.

Далее представляет доклад (основные положения).

**Алеврас Н.Н.** Я хочу сказать несколько слов по поводу вашего выступления. Еще на стадии знакомства с текстом, меня он очень привлек, я считаю, что действительно сделанные вами ак-

центы относительно значимости диссертационной трибуны для высказывания каких-то вольнолюбивых идей, можно перевести в плоскость социальных проблем, которые волновали общество, и диссертантов в т. ч. – это один из вопросов, который требует особого внимания. Сама попытка использовать диссертационную трибуну для актуализации той или иной социальной злободневности, наверное, объясняется тем, что в императорской России было немного возможностей высказаться – на широкую публику. И вот тот островок университетской свободы, частью которой являлся диссертационный публичный диспут, давал, возможно, основание надеяться, что через диссертационную трибуну можно донести социальные проблемы до общественности. Это интересный социокультурный момент, важный в истории российской диссертационной культуры, о чем можно говорить отдельно.

**Гришина Н.В.** Юлия Анатольевна, насколько можно вызов сложившейся системе научной этики рассматривать как вольнодумство? К примеру, случаи обвинения в плагиате, нарушений в использовании источников и т. п.

**Киселева Ю.А.** Вы знаете, мы, конечно, не рассматривали все варианты нарушения научной этики и не все их причисляли к вольнодумству. Мы пытались проследить все-таки оттенки для характеристики этих случаев, например, когда В.И. Герье Н.И. Карееву говорил: «Ваши взгляды несколько радикальны!». Действительно, мы прослеживали, пытались по крайней мере, наметить возможности и варианты разной трактовки понятия «вольнодумство», как вариантов выражения идейно-политических взглядов, вариантов внутринаучной борьбы, которая порой проходила под лозунгами негативно оцениваемого извне «вольнодумства». Сам феномен «вольнодумства» для нас был интересен, и, конечно, не все случаи нарушения этики мы рассматривали как проявление вольнодумства.

**Корзун В.П.** У меня не вопрос, а, скорее, комментарий. Во-первых, я так думаю, что сердца Наталии Николаевны и Натальи Владимировны и других челябинцев радостно забились, когда они слушали этот доклад, потому что мы видим, как терминология, предложенная ими, работает. Как ее активно включают в свой лексикон современные исследователи. Не говоря уже о диссертационной культуре, работающим оказалось и понятие «диссертационная история». Очень здорово, когда твой термин приживается и становится рабочим, становится само собою разумеющимся. Это еще одна оптика.

Второе, в отличие от Наталии Николаевны я обратила внимание не столько на вольнодумство как способ презентации определенных общественно-политических и философских мировоззрений, сколько на понимание того, что такое вольнодумство в науке. И как этот феномен сопряжен с этосом науки, как он меняется и какую играет роль в периоды, когда происходит смена познавательных парадигм или смена поколений, или, допустим, когда происходят определенные социальные катастрофы и т. д. То есть что такое диссертация как отражение точки бифуркации в науке? И тут мы выходим на то, от чего все время уходили – содержательный анализ диссертаций в плане соотношения проблемно-организованной и дисциплинарно организованной науки. И мне кажется, что теперь в поле зрения попадают диссертационные истории не просто как моменты, связанные с судьбой того или иного исследователя, хотя это тоже важно – как складывается репутация ученого, но и как содержание работы способствует прогрессу науки, что же является принципиально новым, где автор проходит по нерву, где он задевает сложившийся канон, где он выходит в другое поле и как он манифестирует свою позицию. В этом плане анализ вступительной речи магистранта, в которой он презентует свое исследование, и собственно тексты исследования, а потом рецепция как самой речи, так и авторских текстов в исследовательской литературе – позволяют нам, думается, по-другому посмотреть на механизмы и самосохранения и самодвижения науки, да и на поведение научного сообщества, как коллективного эксперта. Т. е. таким образом мы выйдем на другой уровень, как мне представляется – как рождается новое знание, как изменяются критерии профессионализма в сообществе историков и академической культуре в целом, какова роль научных школ в консервации либо низвержении тех или иных идей, каковы типы исследователей и их востребованность на различных этапах развития науки? Но это трудная задача, это дело не одного исследователя. Спасибо Вам за интересный доклад.

**Киселева Ю.А.** Спасибо большое за очень важный комментарий.

**Гришина Н.В.** Юлия Анатольевна, вопрос от Наталии Николаевны был связан с тем, насколько в диспутах отражалась реакция на социальные процессы, современные для диссертантов.

**Киселева Ю.А.** Да, понятно. Я просто временами не все слышу: пропадает связь.

Мне кажется, в диспутах отражалась реакция на современные процессы. И даже если диссер-

танты или оппоненты избегали острых проблем, старались придерживаться золотой середины и не заострять определенные вопросы, то публика, которая присутствовала на диспутах, вносила свои коррективы, нацеливая на подобную реакцию. Конечно, я имею в виду, прежде всего, моменты, когда социальные проблемы были очень острыми. В эпоху катаклизмов такая реакция была неизбежна, она вносила свои коррективы и иногда ею, конечно, пользовались в целях не всегда научных. Но, с другой стороны, подобная реакция публики отражала социальный заказ к науке, она давала обратную связь, немедленную возможно в этом случае. Негативно это не стоит оценивать, с этим интересно разбираться. Подобные ситуации были возможностью для самопрезентации не только диссертанта, но и в целом научного сообщества, его готовности отвечать на злободневные запросы.

**Метель О.В.** Я бы хотела уточнить: а примеры религиозного вольнодумства в рамках рассматриваемого материала Вам встречались?

**Киселева Ю.А.** Конечно, религиозное вольнодумство мы затрагивали, рассматривая случаи с Д.С. Аничковым и И. Мельманном. Но, я думаю, чтобы выявить примеры религиозного вольнодумства на более поздних этапах, нужно идти по пути анализа диссертаций, которые защищались в Московской духовной академии. В качестве примера, можно привести А.П. Лебедева, на работы которого писались достаточно острые рецензии, рассматривающие его диссертации как примеры своеобразного «вольнодумства». Подобная полемика также могла быть инструментом внутринаучной борьбы. Специально в эту проблему мы не углублялись, но действительно это тоже очень интересное предложение, которое я, как и все остальные, передам Сергею Ивановичу. Спасибо Вам большое.

**Гришина Н.В.** Спасибо большое. У нас еще есть вопрос от нашего коллеги Владимира Сашанова.

**Сашанов В.В.** Данный доклад очень интересен, и спасибо за него большое. Он подтолкнул меня к размышлениям о вольнодумстве, разных его формах именно на советской почве, в советское время. Уж тут, где была внутренняя и внешняя цензура, игравшая значительную роль, как мне кажется, такая постановка вопроса заслуживает особого внимания. Хотя в советских условиях конечно в значительной степени было меньше проявлений такого вольнодумства, какое вы имеете в виду. Таких явных, а я занимаюсь византинистами, даже и припомнить не могу. Тем не менее

этот ракурс следует задавать, осуществляя более детальный анализ текстов советских историков и обращать внимание именно на данный аспект. В связи с этим мне вспоминается один момент. Это оппонентский отзыв Владимира Николаевича Бенешевича. В 1936 г. он выступал на защите Елены Эммануиловны Липшиц, а это была первая в советское время защита диссертации, посвященная именно византиноведческой тематике. Бенешевич буквально в пух и прах разнес то течение, которое подхватило новое поколение, в частности, Липшиц, а именно – жесткая критика (в виде ругани) дореволюционных историков как буржуазных ученых. Владимир Николаевич весьма жестко прошелся в своем оппонентском отзыве по данным «размышлениям» Елены Эммануиловны. И надо сказать, что это было уже тогда нетипичной ситуацией, когда исследователь, хоть и представитель старой школы, апеллирует именно к научной этике, призывая к ней пусть и новых – советских историков. Почему я вспомнил этот момент в контексте вольнодумства? Потому что буквально уже через год жизнь его трагически закончилась, как мы знаем, и, как я предполагаю, это выступление тоже сыграло свою трагическую роль в жизни В.Н. Бенешевича. Конечно же, в советское время такие случаи, как в оппонентских отзывах, так и в диссертациях, немногочисленны, но они очень интересны, когда мы их рассматриваем в контексте развития советской науки и диссертационной системы.

**Гришина Н.В.** Спасибо большое. Раз мы заговорили о советском периоде в развитии науки, самое время передать слово Ольге Вадимовне Метель, которая представит доклад об опыте работы советской аспирантуры и обучении аспирантов в Коммунистической академии.

**Метель О.В.** Спасибо большое за предоставленную возможность выступить на этом семинаре. Мой доклад является своего рода экспериментальным, потому, что я сейчас нахожусь в начале исследования истории Коммунистической академии, поэтому проблема организации аспирантуры в данном научном центре также мною только разрабатывается.

Как я вышла на эту проблематику? На самом деле, это получилось случайно. Только приступив к изучению истории Коммунистической академии, я полагала, что она была лишь научно-исследовательским учреждением. Однако в документах, представленных в Архиве РАН и Государственном архиве РФ, я обнаружила небезынтересные сведения, о том, что Коммунистическая академия, с самого момента своего основания,

ставила перед собою важнейшую задачу – задачу подготовки научной смены.

Далее представляет доклад (основные положения).

**Алеврас Н.Н.** Ольга Вадимовна, у нас присутствует достаточно пристальный интерес к советской диссертационной системе и всему, что связано с учеными степенями. Рассматривая эту культуру, не ставили ли Вы своей задачей, или что-либо наблюдали относительно того, кто же из оставленных в Комакадемии в качестве аспирантов, все-таки защитил диссертации, и как сложилась их дальнейшая судьба?

**Метель О.В.** Да, такую задачу я перед собой ставила. Для этого я обратилась к данным по Институту истории, т. к. мне все-таки ближе данная сфера, а потом провела некоторые сравнения полученных результатов с материалом по Институту философии. Выводы получились следующие. Среди аспирантов, чьи личные дела сохранились в архиве Комакадемии, и чью судьбу можно проследить, большинство связало свою дальнейшую деятельность с наукой. Многие были оставлены в качестве научных сотрудников в Институте истории Комакадемии, в дальнейшем, после ее ликвидации в 1936 г., продолжили работу в Институте истории Академии наук СССР. Хотя, к сожалению, немало было и тех, кто пострадал во время репрессий. В данной связи нельзя не упомянуть статью А.Н. Артизова, посвященную судьбам историков школы М.Н. Покровского и использованную мной при разработке темы. Так, благодаря изысканиям А.Н. Артизова можно установить, что высокий процент репрессированных был среди историков, занимающихся изучением советской истории. Хотя, в то же время, несмотря на репрессии, некоторые аспиранты смогли сделать успешную карьеру. Здесь можно привести в пример Ребекку Абрамовну Авербух. Она была аспиранткой Института истории РАНИОН, потом продолжила обучение в Коммунистической академии, являлась сотрудником комиссии по изучению религиозной идеологии, затем – секции истории империализма, впоследствии защитила докторскую диссертацию и занималась историей Австро-Венгрии. Или другой пример – С.А. Токарев, являвшийся в СССР крупным специалистом в области этнографии и истории ранних религий. Он точно также сначала поступил в Институт истории РАНИОН, потом был переведен в Коммунистическую академию, но в 1931 г. по невыясненным причинам уволился и работал некоторое время в различных музеях. Можно привести еще ряд подобных примеров, и все они будут сви-

детельствовать о том, что «комакадемические» аспиранты пытались закрепиться либо в самой академии, либо в иных научных и образовательных структурах, причем, многим из них удалось сделать научную карьеру в рамках сложившейся советской системы.

Что касается самой системы защиты диссертаций. Никто из аспирантов Комакадемии в период обучения и сразу после его окончания диссертацию не защитил. Тогда это и не требовалось. Потребность в защите диссертации возникла после выхода в 1934 г. известного постановления «Об ученых степенях и званиях». В Комакадемии была создана специальная комиссия по присуждению ученых степеней, работавшая совершенно секретно, которая определяла, кто из сотрудников достоин получения степени без защиты диссертации, по совокупности заслуг, а кому предстоит подготовить текст исследования.

**Гришина Н.В.** Не кажется ли Вам, что весь этот опыт формирования института аспирантуры в 1920 – начале 1930-х гг. оказался незавершенным и в целом не очень удачным проектом. Т. е. я имею ввиду и научно-исследовательские институты – все те, что вошли в систему РАНИОН, и Коммунистическая академия, и даже Институт красной профессуры не сформировали окончательной системы подготовки аспирантов. Нам очень сложно, как мне кажется, оценивать успешность деятельности аспирантур этих заведений, потому что они практически везде носят незавершенный характер. Т. е. они существовали иногда даже меньше, чем срок аспирантского стажа, аспирантской подготовки – 3–4 года. Иногда учреждение закрывалось или реформировалось быстрее, чем аспирант успевал пройти обучение. Наиболее длительный опыт здесь оказывается у научно-исследовательских институтов, входящих в систему РАНИОН, но и там, в момент, когда должны были начаться массовые защиты аспирантских диссертаций, Ассоциация начинает реорганизовываться. К примеру, в Институте истории по итогам аспирантуры было защищено только две диссертации – А.И. Неусыхина и Н.М. Дружинина. Т. е. вопрос состоит в том, насколько опыт подготовки аспирантов удачен или неудачен.

Второй момент. Когда формируется советская система аспирантской подготовки, а также восстанавливается практика присуждения ученых степеней, оказывается ли востребован опыт подготовки научных сотрудников, ученых кадров, который был до революции в университетской системе России?

**Метель О.В.** С точки зрения формальных результатов, конечно, опыт организации «коммунистической аспирантуры» оказывается крайне неудачным, особенно на рубеже 1920–1930-х гг., в период «культурной революции». Об этом писал, к примеру, Э.И. Колчинский, изучавший, правда, развитие естественных наук в СССР. По его мнению, основная проблема с аспирантурой в это время была связана с тем, что ставка была сделана на «выдвиженцев» – коммунистов, имевших «правильное» происхождение, но не обладавших сколько-нибудь серьезным запасом знаний. Однако, Вы совершенно верно подчеркнули, что далеко не все структуры существовали настолько долго, чтобы мы могли оценить их результативность. Исключение составляет не столько даже РАНИОН, сколько Институт красной профессуры, также занимавшийся подготовкой научной смены – «красных профессоров», способных после окончания обучения приступить к чтению лекций и проведению научных исследований. Однако и здесь, по воспоминаниям Э.Б. Генкиной, хотя диссертации и предполагались учебным планом, выпускники их не защищали. Следовательно, возникает вполне логичный вопрос о том, что нам необходимы иные критерии оценки эффективности работы аспирантуры, чем формальная защита диссертации. Я даже склоняюсь к мысли, что опыт организации аспирантуры в «коммунистическом секторе» советского образования и науки отвечал поставленной задаче – быстро подготовить кадры марксистов. Да, эти кадры были подготовлены наспех, уровень их образования оставлял желать лучшего. Достаточно вспомнить оценки С.А. Жебелева, данные им аспирантам ГАИМК и Академии наук. Но тем не менее формально задача была выполнена, требуемые марксистские кадры были подготовлены и «готовы к использованию» на различных участках «идеологического фронта».

На второй вопрос я могу дать лишь очень приблизительный ответ, учитывая, что специально данным сюжетом я не занималась. На мой взгляд, при формировании советской аспирантуры отдельные элементы дореволюционной системы подготовки кадров оказались весьма востребованы.

**Ильина К.А.** А в документах Комакадемии как-то обозначался вопрос экспертизы написанных диссертаций?

**Метель О.В.** Реально проблема экспертизы диссертаций в Комакадемии в 1929–1932 гг. не стояла, т. к., повторюсь, диссертация не являлась столь уж обязательной. Даже в рамках учебного

плана аспиранта на ее подготовку отводилось всего 3% общего времени. В 1935–1936 гг., в период работы квалификационной комиссии, о которой я говорила ранее, проблема оценки представленных диссертаций стояла более остро. Однако мне не удалось обнаружить специальных документов, строго регламентирующих экспертизу текстов. Диссертация просто передавалась на отзыв, а затем большинством голосов решался вопрос о присуждении или отказе в присуждении искомой степени.

**Зипунникова Н.Н.** Позвольте спросить, насколько многочисленной была юридическая секция?

**Метель О.В.** Ее количественный состав не был постоянным, да и сама она организационно претерпела существенные изменения. Изначально в академии был создан правовой разряд, он был вторым по численности после социально-экономического. В дальнейшем, в структуре академии появилось несколько правовых институтов, которые специально занимались изучением разных областей и вопросов права. Я, к сожалению, не располагаю сейчас точными цифрами и не могу сказать, сколько сотрудников работало в этих структурах.

**Гришина Н.В.** Я хочу задать вопрос, апеллируя к докладу Н.Н. Зипунниковой, которая говорила о том, что законодательные документы определяют правовой статус. Ольга Вадимовна, хотела бы спросить о результате аспирантской подготовки. Завершение аспирантского стажа – в чем это выражалось? Что должен был сделать аспирант для того, чтобы считать, что его аспирантский стаж завершен, и какие права он собственно получал? Как его правовой статус определялся?

**Метель О.В.** Прекрасный вопрос, ответ на который дать крайне тяжело, т. к. трехлетнее обучение аспирантов Комакадемии завершилось тогда, когда аспирантура была ликвидирована. В идеале к этому времени аспиранты должны были сдать все необходимые экзамены и подготовить диссертацию. В итоге аспирант, закончивший аспирантуру, становился научным сотрудником и получал право преподавания в вузах. Однако практически все аспиранты и так преподавали в различных вузах или проводили научные исследования. Получается, что результат обучения – это скорее формальность. Хотя, повторюсь, аспирантура Комакадемии была ликвидирована до того, как все обучающиеся должны были ее окончить. То же самое было характерно для бывших аспирантов РАНИОН, переведенных в Комакадемию. Они формально выпускались без защиты диссертации

или отчислялись как не выполнившие план, не более того.

**Гришина Н.В.** Спасибо, Ольга Вадимовна. Мои научные интересы тоже сейчас сосредоточены на 1920-х гг. Очень много по данной теме можно говорить, рассуждать. Соглашусь, что статус был достаточно слабо прописан и относительно того, как его приобретение выглядело на практике, свидетельств у нас мало. К примеру, А.И. Неусыхин, который защитил диссертацию в 1929 г., по результатам защиты он должен был получать те самые права – в сфере научной работы, в сфере преподавания, оценку уровня теоретико-методологической подготовки. По итогам защиты диссертации в сфере преподавания он получил право только вести семинарские занятия, не читать лекции. По сути, произошло сужение его в правах по сравнению с тем периодом его работы, когда он еще не завершил свое исследование и не защитил его в качестве диссертации. Пока диспут не прошел, он вел лекционные занятия, был преподавателем, на что в дальнейшем обращал внимание его учитель Д.М. Петрушевский, когда писал письма в поддержку своего ученика. Но вопрос о том, каким образом это решение по итогам диспута повлияло на дальнейшую научную биографию ученого, для меня остается пока без ответа. Каковы были стратегии преодоления такого ограниченного правового статуса? Как и стратегии возвращения в науку после отчисления из аспирантуры за невыполнение учебного плана или (что еще интересней) по факту марксистской незрелости.

Еще, как мне представляется, важно отметить, что, несмотря на обилие источниковой базы, достаточно высокую степень сохранности документов 1920-х гг., особенно делопроизводственных, информации в них о диспутах, обсуждениях аспирантских диссертаций, собственно ходе научной работы практически нет. Исследователю приходится проявлять недюжинную целеустремленность, чтобы в ворохе документации отыскать ответы на интересующие его вопросы.

Спасибо Вам за доклад, Ольга Вадимовна.

**Корзун В.П.** Хороший доклад.

**Метель О.В.** Единственно, что еще позволю себе сказать – совершенно согласна с Натальей Владимировной, работать с документами Комакадемии – суший кошмар! Их сохранилось много и, кажется, Боже мой, пиши, не хочу. Но когда ты пытаешься вычленивать крупицу информации, то, во-первых, оказывается, что эта информация носит либо исключительно нормативный характер и никак не реализуется на практике, во-вторых,

выясняется, что в разных документах даются совершенно разные данные, которые между собою не согласуются, и, в-третьих, вся информация однотипна. Ее очень сложно использовать для освещения разных аспектов. Поэтому да, источники, специфический характер их информативности – это вот кошмар самый настоящий!

**Гришина Н.В.** Спасибо, коллеги. Я очень сожалею, что мы не смогли сегодня заслушать доклад Киры Андреевны – проблема экспертизы того, как готовятся рецензии, отзывы, как здесь работают механизмы, связанные с этикой ученого в процессе подготовки этого отзыва, в процессе принятия решения достоин или недостоин исследователь искомой степени. Это конечно вопрос важный, злободневный, я бы сказала. Все мы, так или иначе, участвуем в процессе подготовки экспертных заключений сейчас. Но я надеюсь, что обсуждение этого доклада мы сможем осуществить в личном общении и с помощью других средств коммуникации. Хорошо, что у нас есть текст, с которым можно работать и по которому можно формировать круг вопросов.

Я думаю, что настало время для подведения некоторых итогов сегодняшней работы. Я хотела бы предоставить слово главному организатору нашей встречи Наталии Николаевне Алеврас.

**Алеврас Н.Н.** Уважаемые коллеги, все присутствующие на вебинаре. Прежде всего, я хотела бы поблагодарить очень искренне и глубоко всех участников вебинара, «иногородних» гостей-участников, которым сложно пришлось в некоторых случаях по техническим причинам. И я вслед за Натальей Владимировной хочу еще раз высказать сожаление, Кира Андреевна, что мы не заслушали Ваш замечательный доклад. Действительно, проблемы научной экспертизы – это один из важнейших элементов вообще диссертационной системы, который собственно и определяет качество диссертаций. Это очень важно было и для современников, а для нас не менее важно выяснить, как это качество определялось. Я хотела бы подчеркнуть для всех, сидящих здесь, кто этого доклада не читал, что в центре внимания Киры Андреевны был один из продуктов диссертационной культуры – рецензия, которая давалась диссертанту и его диссертации от имени факультета, эта рецензия становилась основой допуска соискателя ученой степени к защите. Это был самый первый барьер, который нужно было пройти соискателю; смысл этого барьера заключен в рецензии, составленной от имени факультета. Я, опираясь на наш опыт, выскажу пару моментов, которые у меня возникли при знакомстве с этой очень

интересной работой. А наш опыт в большей мере связан со второй половиной XIX в. Возможность познакомиться с исследованиями специалистов, которые в большей мере привержены к первой половине XIX в., когда диссертационная система и культура только-только начинали формироваться, очень важна. Весьма полезно друг с другом поговорить. Я хочу отметить, что во 2-й половине XIX в. мы не встречали рекомендательных документов, которые шли от факультета, под названием рецензий. В это время использовалось иное название – отзывы. Конечно, можно сказать, не в словах, не в наименованиях дело. Это так, но, во всяком случае, мы не сразу поняли во всех нюансах маршрут продвижения диссертации к защите. Я посмотрела наши первые работы, действительно, специального акцента вот на этот этап, этап допуска к защите от факультета не было. Но я столкнулась с такой ситуацией. Просмотрев архивные документы, выяснила для себя, что в этот период составление отзыва от факультета поручалось профессору кафедры, курировавшему защищающегося соискателя. В то время не использовалось такое понятие – «научный руководитель». Получалась примерно такая картина. Например, Платонов – профессор кафедры русской истории Петербургского университета, пишет отзыв, порученный ему по линии факультета на какую-либо диссертацию. Этот отзыв становится основой допуска человека к защите. И на этом же диспуте оппонентом выступает тот же Платонов. Могу предположить, что он зачитывает или озвучивает примерно тот же текст, который имеется в рекомендательном отзыве, представленном от всего факультета. Пока для меня этот механизм не выстроился в ясную картину, как хотелось бы. А перемена названия документа – может быть за ней что-то стоит, поскольку во второй половине XIX в. рецензия на научные труды, в т. ч. диссертации, как особый жанр, широко присутствует в периодической печати. В печати появлялись также тексты отзывов-рецензий, представляемых на диспутах. Наконец, рецензии писались и на диссертации, которые выставлялись на конкурс, в т. ч. на академический конкурс – на премию Уварова. Усилиями его сына в память Уварова-старшего создана была эта академическая премия. В этих случаях тоже речь шла о рецензии. Хорошо известны такого рода рецензии, написанные А.С. Лаппо-Данилевским, несколько рецензий на диссертации, представленные к этой премии, писал В.О. Ключевский. Наверно, можно этот список продолжать. Вот такая история с рецензиями, но, Кира Андреевна, я совершенно с Вами

согласна, что этот этап допуска к защите, являясь принципиально важной процедурой, которая к тому же имела нормативно-правовую основу. Рекомендательный отзыв-рецензия представлялся факультету и с его одобрения в виде принятия коллегиального решения, становился основой допуска к защите. Но, вероятно, нередко процедура упрощалась – коллегиальный отзыв писал тот человек, который лучше всех других знал диссертацию и диссертанта. Вот несколько комментариев к Вашей статье, которые у меня, быть может, несколько спонтанно родились сейчас. Хотелось бы подчеркнуть, что проблемы экспертизы диссертации – один из тех вопросов, который остается важным в поле наших научных интересов. И я думаю, что мы получили в ходе вебинара немало интересной информации.

Мы планируем опубликовать материалы нашего вебинара, текст Вашей статьи будет доступен всем, в т. ч. и присутствующим здесь нашим студентам, магистрантам и, конечно, участникам вебинара.

Хочу обратиться к выступлению Н.Н. Зипуниковой о нормативно-законодательных основах диссертационной культуры, если так можно сформулировать ее подход. Совершенно ясно становится, что нормативная и законодательная основы представляют такую важную структурную оболочку, если так можно сказать, скрепляющую всю диссертационную систему. Но хотелось бы подчеркнуть, что в императорской России, сохранялся некий простор для выражения научных идей и самоорганизации научной деятельности. Известные «университетские свободы» проявлялись, в частности, и в том, что имелось большое пространство для научной самостоятельности, в т. ч. в области диссертационной культуры. Об этом можно предметно говорить, я в данном случае подчеркиваю присутствие неформальных инициатив в формировании процессов, связанных с подготовкой и защитой диссертации.

Можно сказать, что прямо полным откровением стало выступление В.П. Корзун о соотношении диссертационной и профессорской культур. Тем более что мы на данный момент еще не видели этого текста. Было очень интересно услышать, как Валентина Павловна рассматривает эти две системы. Я думаю, что услышанное позволяет нам, прежде всего, говорить о том, что разработка понятийного инструментария вообще в науке и в историографии, в частности – это далеко не освоенная целина и нам, с нашей диссертационной проблематикой предстоит немало поработать над понятийным аппаратом. И, может быть, вместе с

Валентиной Павловной обдумать, как соотносятся эти важнейшие элементы науки того периода времени, о котором мы говорим. Имея в виду функционирование диссертационной культуры, мы, преимущественно, говорим о дореволюционном периоде, но теперь, наверное, необходимо усилить внимание к XX в. Как минимум, потому, что и то и другое («профессорская культура», «диссертационная культура») в той или иной форме сохраняются, но определенным образом трансформируются. Вот этот процесс трансформации того и другого и их взаимодействие мне кажутся очень важными моментами для дальнейшего изучения.

Поскольку я принялась подводить итоги по докладам, представленным на вебинаре, то остановлюсь на выступлении Ю.А. Киселевой, в основе которого – доклад, сделанный совместно с С.И. Посоховым. Выступление, как мы видим, вызвало большой интерес и немало вопросов. Я полагаю, что тот акцент, который Валентина Павловна задала, он очень важный. Это акцент в сторону свободы научной мысли. Но, думаю, что и рассмотрение диссертационной трибуны как места выражения общественно-политической мысли, тоже сохраняет свою значимость. В качестве примера напрашивается история и особенности защиты магистерской диссертации В.И. Семейского, когда он, по сути дела, на научном диспуте перед интеллектуальной аудиторией Московского университета высказал свои мысли по поводу пореформенного положения крестьян. Нигде в другом месте публично он выступить вряд ли сумел. Не могу не вспомнить статью Томаса Сандерса о третьем оппоненте: он ведь там нарисовал подобную картину относительно роли института диспута. Картину такого повышенного внимания российской общественности, образованных слоев общества к самой процедуре защит диссертаций. На защиты диссертаций, надо сказать, ходили как на некое зрелище. Но такое – особое научное зрелище. Эта традиция стала складываться еще в первой половине XIX в. А во второй половине века, особенно на отдельные защиты, сопровождавшиеся выступлениями знаменитых оппонентов, приходили специально. К примеру, если оппонировал В.О. Ключевский, то аудитория наполнялась большим количеством зрителей. В этот вот момент присутствия не только академической среды, которая участвует в диспуте, но и общественности, диспут провоцировал определенные вольнодумства, но вот, я думаю, и в том и в другом смысле. Мне представляется, что научные инновации, так мы их можем назвать, на-

учные вольнодумства, они еще мало затронуты, изучены. Это чрезвычайно интересный момент, который заинтересует многих, и нас не в последнюю очередь.

Большое спасибо за доклад Ольги Вадимовны, он нам всем очень интересен и близок по тематике, поскольку целый ряд наших аспирантов и членов нашего коллектива, выходят именно на советский период. Я думаю, что это очень перспективное движение в развитии нашего проекта. Правда, пока не знаю, как мы справимся с советскими документами, по поводу которых Вы много говорили.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, дорогие друзья, что материалы вебинара мы будем публиковать, если удастся нам воспроизвести ход обсуждения. Мы сейчас издаем новый электронный журнал – «Magistra Vitae». Сделаны два выпуска за этот год. Возможно, в нем мы разместим материалы прений вебинара. А тексты выступлений, присланные на вебинар, будем готовить к изданию буквально, можно сказать, с завтрашнего дня, поскольку это еще и наш отчет по гранту. А самое главное, скажу я, мы надеемся, что сегодняшняя коммуникация, состоявшийся наш разговор может стать основой дальнейшего сотрудничества, которое может вылиться в разные формы, и в плане нашей публикационной совместной деятельности, в плане дальнейших встреч на конференциях, может быть, другого формата, где глаза в глаза. Мне приятно отметить, что студенты и магистранты проявили интерес к семинару и стали свидетелями научной коммуникации в особом формате вебинара.

Мы очень беспокоились, как всё это действие наше пройдет. Даже нервничали немножко, поскольку опасались за качество связи. Но в конечном итоге эта форма связи позволила нам встретиться, поговорить, посмотреть друг на друга и сказать большое вам спасибо. И до новых встреч.

**Гришина Н.В.** Спасибо большое, Наталия Николаевна. Спасибо большое, участники.

**Зипунникова Н.Н.** Я уже совсем коротко, чтобы не занимать много времени и внимания. Я сегодня так наслаждалась. Хочу заметить – разговор профессиональный, пронзительно искренний, про то дело, которым люди занимаются с любовью, мне кажется, с таким каким-то драйвом. Я обязательно буду докладывать на заседании своей кафедры – истории государства и права о том, что такое мероприятие состоялось. Коллеги, конечно,

испытают чувство замечательной белой зависти. Уже когда я ознакомилась с докладом Наталии Николаевны, у меня возникла мысль, что по диссертациям по истории права мне лично тоже хочется что-то сделать, но я, конечно, одна вряд ли это смогу, но все равно какие-то усилия на эту тему обязательно предприму, поэтому с нетерпением жду новых встреч и жду новых публикаций, где и методики, и результаты будут опубликованы, чтобы творческим образом их использовать. И, может быть, что-то попытаться свое придумать. Это такой замечательный творческий посыл, спасибо вам большое. Спасибо.

**Гришина Н.В.** Спасибо большое. Спасибо за комментарий. Валентина Павловна, скажете несколько слов?

**Корзун В.П.** Дело в том, что года полтора, может быть год назад, размышляя над проблемой диссертационной культуры, у меня возникло ложное, как сейчас выяснилось чувство, что в принципе ситуация уже ясна, разве, что осталось представить этот процесс количественно. Казалось, что все повороты и шаги как будто бы сделаны. Как выясняется, я здорово ошиблась. В самом деле, обозначился огромный круг проблем, над которыми нужно работать, причем работать не одному человеку, не одному коллективу. Были обозначены очень интересные ракурсы исследования. Я с большим удовольствием послушала все доклады. Большое спасибо, коллеги. Было приятно познакомиться. И вообще как-то жить стало веселее. Все как по Р. Коллинзу – эмоциональная энергия зашкаливает. Дай Бог, ее не утратить! Спасибо всем...

**Гришина Н.В.** Хочу предоставить слово еще Юлии Анатольевне. Она в чате написала предложение.

**Киселева Ю.А.** Дорогие коллеги, позвольте еще раз поблагодарить за такой необычный, но мне кажется, удачный опыт. Я увидела коллег и смогла услышать Ваши мнения и Ваши выступления. Еще раз передаю привет от Сергея Ивановича. Я уверена, что мы еще не один раз будем обсуждать сегодняшний вебинар и заданные Вами вопросы. Конечно, мы будем рады сотрудничеству с Вами и в рамках издания «Харьковского историографического сборника». Спасибо вам огромное.

**Гришина Н.В.** Большое спасибо, коллеги. Надеюсь, до скорых встреч.

**Алеврас Н.Н.** Жаль расставаться...

### Список литературы

1. Алеврас Н.Н. Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.) // Материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 20–21 апреля 2017 г. Витебск, 2017.
2. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Национальные интенции в диссертациях российских историков XIX – начала XX в.: предварительные наблюдения // История, память, идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики : материалы междунар. науч. конф.. М., 2016.
3. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Опыт создания информационной базы данных о диссертантах-историках и диссертациях (XIX – начало XX в.) // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.) : в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. 208 с.
4. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М. К созданию коллективного портрета историков соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX вв.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2016.
5. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. 648 с.
6. Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016. 136 с.
7. Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века : монография. Екатеринбург, 2009. 440 с.
8. Зипунникова Н.Н. Законодательство об ученых степенях как важнейшее условие формирования диссертационной культуры Российской империи // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
9. Корзун В.П. О соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: дефиниция как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
10. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990. 293 с.
11. Малышева С.Ю. «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства». Гетеротопичность университета // Диалог со временем 57. М., 2016.
12. Мир историка : историограф. сб. / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2010. Вып. 6. 472 с.
13. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов : коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. 386 с.

### Сведения об авторах

**Алеврас Наталия Николаевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [vhist@mail.ru](mailto:vhist@mail.ru)

**Гришина Наталья Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, декан историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [natalyagrishina@mail.ru](mailto:natalyagrishina@mail.ru)

**Сашанов В.В.** – научный сотрудник муниципального учреждения культуры «Центр историко-культурного наследия г. Челябинска». [sashanov.hist@mail.ru](mailto:sashanov.hist@mail.ru)

*Magistra Vitae.*  
2017. No 2. P. 30–249.

**CHELYABINSK INTERREGIONAL SCIENTIFIC SEMINAR (WEBINAR)  
ON THE PROBLEMS OF DISSERTATION CULTURE:  
DISCUSSION OF REPORTS AND DEBATES**

**N. N. Alevras**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru*

**N. V. Grishina**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. natalyagrishina@mail.ru*

**V. V. Sashanov**

*Center of historical and cultural heritage of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia. sashanov.hist@mail.ru*

This publication presents reports and debates arisen during the scientific seminar *Dissertation On History In the Context Of the Russian Scientific Culture Of the XIX — Early XX Century: Experience And Study Prospects*. The seminar as a webinar took place at Chelyabinsk State University on November, 18, 2016. N. Grishina moderated the webinar. The participants compared their perceptions and opinions, which elaborated their ideas.

Although the chosen distant format of scientific communication was the first experience for many academics, they considered it an expedient and rational method of scientific information exchange.

Assisted by A. Mirovshikova, V. Sashanov decoded the phonogram of reports and debates during the seminar. N. Alevras organized the materials editing and wrote the preliminary article. N. Grishina carried out the final editing of the phonogram. The papers published as the result of the webinar can be found by the following link: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28282350>.

The seminar organizers express appreciation to all the participants of the seminar and thank the staff of the laboratory of technical educating equipment of Chelyabinsk State University for the high technical level of webinar work.

**Keywords:** *dissertation culture, scientific seminar, webinar, debates, discussion of lectures, phonogram.*

### References

1. Alevras, N. N. (2017). Dissertaciya po istorii kak istochnik: process identifikacii statusa dissertacii kak nauchnogo sochineniya (XIX – nachalo XX v.) [Dissertation on history as a source: the process of identifying the status of the dissertation as scientific works (XIX – beginning of XX century)] in *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava. Vitebsk, 20–21 aprelya 2017 g. Vitebsk VGU imeni P.M. Masherova*. Vitebsk. (In Russ.).
2. Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2016). Nacional'nye intencii v dissertaciyah rossijskih istorikov XIX – nachala XX v.: predvaritel'nye nablyudeniya [The national intention in the dissertations of the Russian historians of the XIX – beginning of XX centuries: preliminary observations] in *Istoriya, pamyat', identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki : materialy mezhdunar. nauch. konf.* Moscow. (In Russ.).
3. Alevras, N. N., Grishina, N. V., Vydrin, O. V. (2017). Opyt sozdaniya informacionnoj bazy dannyh o dissertantah-istorikah i dissertaciyah (XIX – nachalo XX v.) [Experience of creation of information database of graduates-historians and dissertations (XIX – beginning of XX century)] in *Cifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', 16–18 maya 2017 g.) : v 2 ch.* Ch. 2. Perm. (In Russ.).
4. Alevras, N. N., Grishina, N. V., Skvortsov, A. M. (2016). K sozdaniyu kollektivnogo portreta istorikov soiskateley uchenykh stepeny v Rossii XIX – nachala XX vv.: razrabotka bazy dannykh i predvaritel'nyy analiz [About the creation of collective portrait of historians applying for academic degrees in Russia in XIX – early XX century: the development of a database and preliminary analysis] in *Uchitel' istorii v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii v kontse XX – nachale XXI v.: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s*

*mezhdunar. uchastiem. Kazan. (In Russ.).*

5. Vishlenkova, E. A., Galiullina, R. H., Il'ina, K. A. (2012). Russkie rofessor: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost' [Russkie Professora: Universitetskaya korporatism or professional solidarity]. 648 p. Moscow. (In Russ.).

6. Alevras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). Dissertatsiya po istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX – serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya : sb. st. po itogam mezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g. [History dissertation in Russian academic culture of XIX – mid XX century: the results and prospects of research: a collection of articles following the multiregional academic seminar (webinar) of November 18, 2016]. 136 p. Chelyabinsk. (In Russ.).

7. Zipunnikova, N. N. (2009). «Universitety uchrezhdayutsya dlya prepodavaniya nauk v vysshey stepeni». Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob universitetakh XVIII – nachala XX v. : monografiya [“Universities are established to teach sciences in the extreme”. Russian university legislation of XVII – early XX century: a monograph]. 440 p. Yekaterinburg. (In Russ.).

8. Zipunnikova, N. N. Zakonodatel'stvo ob uchenykh stepenyakh kak vazhneyshee uslovie formirovaniya dissertatsionnoy kul'tury Rossiyskoy imperii [Academic degree legislation as a crucial provision for the establishment of dissertation culture of the Russian Empire] in Alevras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). *Dissertatsiya po istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX–serediny XX vv.: opyt i perspektivy izucheniya : sb. st. po itogam mezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g.* Chelyabinsk. (In Russ.).

9. Korzun, V. P. O sootnoshenii ponyatij dissertacionnaya kul'tura i professorskaya kul'tura: definicii kak issledovatel'skaya opcija [On the relationship between the concepts of culture dissertation and professorial culture: definitions as a research option] in Alevras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). *Dissertatsiya po istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX – serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya : sb. st. po itogam mezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g.* Chelyabinsk. (In Russ.).

10. Lappo-Danilevskij, A. S. (1990). Istoriya ruskoj obshchestvennoj mysli i kul'tury. XVII–XVIII vv. [History of Russian social thought and culture. XVII–XVIII centuries]. 293 p. Moscow. (In Russ.).

11. Malysheva, S. Yu. (2016). «Mezhdru blagochestivymi potomkami vremeni i ostervenelymi obitateljami prostranstva». Geterotopichnost' universiteta [“Between the pious descendants of time and the frenzied inhabitants of the space”. Heterotopically University] in *Dialog so vremenem 57*. Moscow. (In Russ.).

12. Korzun, V. P., Yakub, A. V. (eds.). (2010). Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 6 [The world of the historian: historiographical collection. Vol. 6.]. 472 p. Omsk. (In Russ.).

13. Vishlenkovej, E. A., Savel'evoj, I. M. (eds.). (2013). Soslovie ruskih professorov. Sozdатели statusov i smyslov [Bar Russian professors. The creators of statuses and meanings]. 386 p. Moscow. (In Russ.).